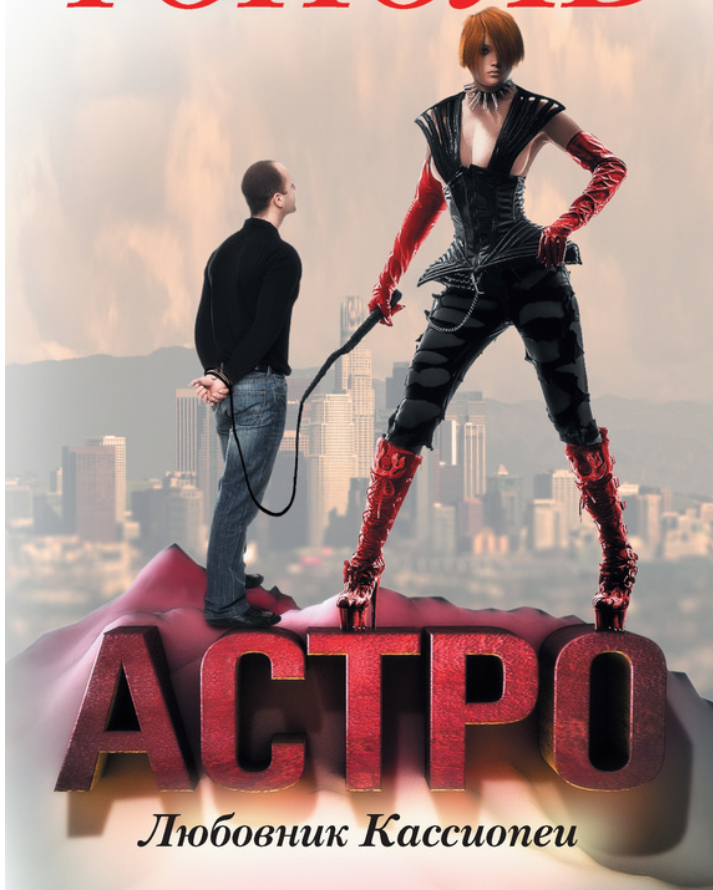

Эдуард
ТОПОЛЬ

АСТРО

Любовник Кассиопеи

Эдуард Владимирович Тополь

Астро. Любовник Кассиопеи

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320736

тополь, Эдуард Владимирович АСТРО. Любовник Кассиопеи : [роман]:

АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085331-1

Аннотация

Практически у всех народов сохранились легенды о великанах, гигантах, исполинах и титанах, населявших когда-то нашу планету. Но что, если они не погибли в земных катаклизмах, а улетели, и теперь вернуться и потребуют свою Землю обратно? Новый роман Эдуарда Тополя рассказывает именно об этом и носит подзаголовок «Второе пришествие Исполинов».

Содержание

Об Эдуарде Тополе и его книгах	5
Эдуард Тополь советует:	7
Если у вас есть дети...	9
АСТРО. Любовник Кассиопеи	12
Пролог	12
Часть первая	20
1	20
2	31
3	39
4	52
5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эдуард Тополь

АСТРО. Любовник

Кассиопеи

Все события и персонажи книги вымышлены, все совпадения случайны.

Авторские права Эдуарда Тополя защищены.

Все перепечатки данной работы, как полностью, так и частично, категорически запрещены без письменного разрешения автора, в том числе запрещены любые формы репродукции данной работы в печатной, звуковой или видеоформе.

Любое нарушение закона будет преследоваться в судебном порядке.

© Э. Тополь, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Об Эдуарде Тополе и его книгах

«Тополь пишет с таким знанием российской жизни, которого не могут достичь ни Ле Карре, ни Дейтон. Головокружительные тайники информации...» («Нью сосайети», Великобритания).

«Тополь использует вся и всё, что делает бестселлер, – убийство, интригу, секс, любовь, юмор – и, самое главное, не разочаровывает в конце...» («Бирмингем ньюс», США).

«Эдуард Тополь, по определению парижан, “самый крутой мастер современной прозы”» («Общая газета», Москва).

«“Красная площадь” – смесь реальности и авторской выдумки, написана в стиле типичного американского триллера в соединении с глубиной и сложностью русского романа» («Файнэншл таймс», Великобритания).

«“Русская семерка” – захватывающий триллер, любовный роман и панорама жизни современной России» («Нью сосайети», Великобритания).

«В “Красном газе” Эдуард Тополь превзошел свои предыдущие романы и выдал захватывающий триллер... Богатый набор характеров, полных человеческих страстей, мужества и надежд... С прекрасной сибирской натурой и замечательной главной героиней, это глубокая и волнующая история...» («Сёркус ревью», США).

«“Любимые и ненавистные”... – бездонное море удоволь-

ствия. Притом гарантированного...» («Известия», Москва).

«“У. е.”– наилучший из лучших/примеров Тополя. Супер!» (Сергей Юрьенен. Радио «Свобода»).

«Роман Тополя о “Норд-Осте” читать и горько, и тяжело, но отложить невозможно» («Версия», Москва).

«Читайте Тополя!» («Бильд», Германия).

КНИГИ ЭДУАРДА ТОПОЛЯ ИЗДАНЫ В США, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ, ПОРТУГАЛИИ, ШВЕЦИИ, ФИНЛЯНДИИ, БЕЛЬГИИ, ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШЕ, ЯПОНИИ И В РОССИИ

Эдуард Тополь советует: **BEELINE ME!**

Да, по-английски это звучало бы так: «Beeline me!» Но в переводе на русский теряется игра слов и флер пчелиного жужжания, а потому я скажу проще.

Я пользуюсь услугами «Билайн» не только потому, что для меня это самая удобная, надежная, скоростная и приятная система мобильной связи с любой точкой мира.

Сегодня «Beeline me» – это «позвони», «напиши», «отправь голосовое сообщение», «черкни e-mail» и многое другое. Оплатить квартиру или заказать билеты на театральную премьеру – пожалуйста! Забыв портмоне, сделать покупку? Легко! Передать деньги на другой конец города и даже страны – да запросто!

«Билайн» давно не ограничивается мобильными, решительно «захватив» компьютеры и домашние телефоны. Интернет «Билайн» – проводной или модемный – развивает впечатляющие скорости. А тарифы на междугородную фиксированную связь достойно конкурируют на рынке.

Но главное, «Билайн» дает мне возможность постоянно быть на связи с теми, кто мне нужен и дорог; в деталях обсуждать свои творческие и бизнес-планы с коллегами или просто молчать с теми, с кем хорошо молчитсся. И порой до

нуля на счете, который давно уже не помеха общению. Ведь все входящие звонки и SMS при нуле бесплатны. А оставаться активным при отсутствии денег на счете помогают услуги с говорящими названиями «Позвони мне», «Пополни мой счет», «Доверительный платеж», «Звонок за счет собеседника» или «Автоплатеж». При однократном подключении последней «Билайн» каждый раз будет страховать вас от нуля, временно пополняя счет на сумму, достаточную для продолжения разговора.

Итак, уверенно пользуйтесь сотовой связью «Билайн» и говорите всем, как я:

NO PROBLEM, BEELINE ME!

Если у вас есть дети...

Дорогие читатели!

Недавно я побывал в Цхинвале и своими глазами видел руины, оставшиеся там после русско-грузинской войны 2008 года. Был в Беслане, в школе № 1, взорванной террористами в сентябре 2004-го, – там, как вы знаете, погибли 186 детей.

В шестидесяти километрах от Беслана, на границе Южной и Северной Осетии, стоит Аланский Богоявленский женский монастырь, возрожденный усилиями молодой настоятельницы матушки Нонны. Во время войны матушка Нонна и восемь монашек создали в монастыре лазарет для раненых, и матушка на своей «Ниве» гоняла в горящий Цхинвал, под огнем набивала машину детьми и через задымленный Рокский туннель вывозила их в монастырь. Я спросил у нее: «Как вы не боялись? Мне сказали, что пули буквально решетили над вами воздух». «Да, – ответила она. – Была бомбежка и стреляли трассирующими очередями, они осами чертили воздух вокруг машины. Но я же делала Божье дело, ни одна пуля «Ниву» даже не поцарапала».

Сразу после Беслана матушка Нонна создала при монастыре Детский реабилитационный центр, где посменно живут дети, пережившие те трагедии, – читают, рисуют, лепят, выпиливают. Но летом 2010 года прекратилась финансовая

поддержка Центра частным немецким фондом Киндернот-хильфе...

И еще... Вот уже семь лет я навещаю Свято-Алексеевскую пустынь, возрожденную под Москвой иеромонахом Петром на 124-м километре Ярославского шоссе на развалинах монастыря, взорванного большевиками в тридцатые годы. Все началось там двадцать лет назад, когда отец Петр и матушка Февронья приютили у себя восемь бездомных сирот. Сегодня в их обители больше двухсот детей-сирот, семьдесят восемь педагогов, православный детский центр – пансион социальной реабилитации, православная классическая гимназия-интернат, кадетский корпус, сестричество сестер милосердия, фермерское хозяйство, библиотека, исторический, геологический и ботанический музеи, восстановлен и действует храм. И все это – на частные пожертвования. Правда, эти достижения обошлись отцу Петру в двадцать клинических смертей. А недавний экономический кризис резко сократил число спонсоров...

Дорогие читатели! Я надеюсь, вашим детям никогда не придется пережить то, что пережили дети Осетии и дети, живущие в Свято-Алексеевской обители. Но ведь и эти дети – тоже ваши, российские! Разве немцы должны их содержать? Думаю, что такое благое дело, как помощь приютам, где не воруют и не обируют детей, а учат их добру и трудолюбию, вполне вам по силам и зачтется Там, Наверху.

Все подробности о жизни этих приютов и их банковские

реквизиты – на их сайтах.

*С уважением,
ваш Эдуард Тополь*

АСТРО. Любовник Кассиопеи

«...В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им...»

Книга Бытия. 6:3–4

«Будущая жизнь – это такая загадка! И никто-то, ведь никто на нее не отвечает».

Ф. Достоевский. Братья Карамазовы

**АВТОР БЛАГОДАРИТ ДРУЗЕЙ-АСТРОНОМОВ
ЗА ПОМОЩЬ В РАБОТЕ НАД ЭТОЙ КНИГОЙ.
СВОИ ИМЕНА И ФАМИЛИИ ОНИ ЗНАЮТ
САМИ...**

Пролог

– Dear visitors! Уважаемые посетители, – сказал я и завел мотор двадцатиместной экскурсионной «Тойоты», в которой легко, но почему-то в разных ее концах, уселись все девять туристов, приехавших в это сентябрьское утро в Green-Bank.

Для меня всегда было загадкой, почему люди, объединенные одним интересом – скажем, узнать о радиоастрономии или посмотреть новый фильм, – стараются и в экскурсион-

ном автобусе, и в кино, и даже на лекции самого интересного профессора сесть подальше друг от друга. Я понимаю, когда это делают юные пары в темном кинозале. Но за четыре года моей работы в обсерватории Грин-Бэнка не было случая, чтобы сюда, в горы Западной Вирджинии, какая-нибудь пара приехала ради секса в зале нашего Астрономического музея, где перед поездкой к знаменитому GBT – радиотелескопу Грин-Бэнка – мы показываем десятиминутный фильм об истории космических исследований. По-моему, даже начитавшись «Автостопом по Галактике» Дугласа Адамса и «Физики невозможного» Митио Каку, вы не поедете в Вирджинию, чтобы предаваться любви на фоне слайдов об астрономии. Этим святым делом посетителям GBT заниматься в Грин-Бэнке вообще негде – тут не только гостиницы, тут нет даже простого мотеля. А все потому, что на 13 000 квадратных миль вокруг нашего циклопического радиотелескопа соблюдается зона радиомолчания. То есть здесь запрещено пользоваться мобильными телефонами, радиоприемниками и навигаторами и ездить в автомобилях с бензиновым двигателем, поскольку даже при включении стартера искра зажигания производит радиоволны, создающие помехи в работе GBT.

Впрочем, простите, я отвлекся на подробности, которые вам пока ни к чему. Важно, чтобы на случай вашего интереса к радиоастрономии вы знали, что в Грин-Бэнке совместить этот интерес с сексом у вас не получится, хотя эту важную

информацию почему-то обходят молчанием все туристические справочники и даже сайт нашей обсерватории <https://science.nrao.edu/facilities/gbt/index>.

Но вернемся в нашу экскурсионную «Тойоту». Итак, «Дорогие посетители! – сказал я, трогая ее с места и поглядывая в зеркало на двух шестнадцатилетних, но уже вполне созревших цыпочек, усевшихся на переднем сиденье. – Добро пожаловать в обсерваторию Грин-Бэнка. Вам повезло, что вы приехали сюда, когда наш красавец-радиотелескоп, который вы видите вдали, выключен по случаю покраски его огромной, стометровой в диаметре, тарелки. Именно поэтому мы с вами имеем возможность проехать на его территорию...»

Тут я подкатил к шлагбауму, преграждающему дорогу к цветущей долине вокруг GBT, и, заполняя паузу, пока в диспетчерской Астрономического музея толстушка Элизабет поднимет свои 140 килограмм, чтобы дотянуться до кнопки OPEN, продолжил:

– Как вы видели только что в фильме, радиоастрономия – это самая молодая наука, ей всего восемьдесят лет. В 1931 году телефонная компания Bell наняла молодого радиоинженера Карла Янского выяснить, что это за шумы периодически вмешиваются в телефонные разговоры и телеграфные сообщения. Для своих исследований Янский построил антенну, которую вы видите справа, – она похожа на тройку спортивных турников для детей не старше десяти лет. Но именно с помощью этой нехитрой конструкции Янский уста-

новил, что часть помех – радиоволны, приходящие из космоса, и предложил ловить их с помощью антенны-тарелки диаметром тридцать метров. Однако денег на эту тарелку никто ему не дал. Зато в 1937 году юный Гроут Ребер, инженер из Иллинойса, на свои деньги и своими руками построил у себя во дворе вот этот самый первый в мире радиотелескоп... – И я показал налево, где у нас стоит полумакет-полуоригинал первого на Земле радиотелескопа.

– И с этой небольшой девятиметровой тарелки, – сказал я, глядя не столько на телескоп Ребера, сколько на этих шестнадцатилетних цып, – начинается новая эра человечества! Да, девчонки, вы только представьте! Всю свою историю, тысячи лет люди видели только солнце днем и звезды ночью. И вдруг с помощью этих вроде бы простых тарелок мы смогли заглянуть дальше Млечного Пути, смогли изучить не только нашу Галактику, но и тысячи других галактик – даже те, которые умерли миллионы лет назад...

Наконец, Элизабет открыла шлагбаум, я миновал его и покатил к нашему исполинскому GBT, который, словно макет из футуристического фильма, высился вдали в окружении зеленых вирджинских гор. По обе стороны дороги то слева, то справа стояли старинные, пятидесятилетней и тридцатилетней давности радиотелескопы, все увеличивающиеся в размерах.

– На этой дороге, – продолжал я, – у меня каждый раз появляется ощущение, что я двигаюсь по астрономическому

Парку Юрского периода...

Тут две барышни улыбнулись и посмотрели на меня с интересом. Юмор, чтоб вы знали, действует на цыплят лучше любого «цып-цып-цып», он моментально расщепляет скорлупу их настороженности. Впрочем, я опять отвлекся – хотя теперь уже по делу. И тем не менее...

– Да, да, – сказал я этим девочкам и заодно остальным туристам, сидевшим в глубине автобуса, – сейчас так быстро развивается наука, что уже завтра становится архаикой то, что еще вчера казалось пределом технического совершенства. А главное – сегодня в самых сложных гаджетах дети разбираются так, словно это простые кубики. У нас тут школьники наблюдают пульсары...

В этот момент я обогнул небольшой сосновый лесок и подъехал к нашей гордости – ошеломляюще красивому сооружению высотой с Эмпайр-стейт-билдинг и весом в три тысячи тонн – единственному в мире радиотелескопу, способному за пятнадцать минут повернуться на 360 градусов вокруг своей оси и за это время собрать в свою стометровую ладонь радиоволны со всего открытого неба.

Увидев эту ажурную махину, мои барышни захлопали в ладоши от восторга.

– Вау! – сказала одна из них.

– Можно мы его сфотографируем? – спросила вторая.

– Да, – ответил я, открывая дверь автобуса, – теперь вы можете выйти и даже сфотографировать наш GBT, поскольку

ку, как я вижу, рабочие уже закончили на сегодня покраску тарелки, но еще спускаются по лестницам. К тому же, гляньте на запад – там словно специально для вашей фотосессии сразу три воздушных шара поднялись с горнолыжного курорта Snowshoe Ski Resort. Зимой на этом курорте катаются на лыжах, а летом...

Не дослушав меня, девчонки выскочили из автобуса и стали позировать друг другу на фоне исполинского телескопа и трех разноцветных воздушных шаров, полеты на которых вошли в моду последние пару лет. Впрочем, мне показалось, что, выпячивая свои грудки, забрасывая за спину волосы и отставляя округлые попочки, они позируют не только друг другу, но и мне. И если бы через десять минут мне не нужно было возвращаться к своей основной работе (за рулем экскурсионного автобуса я оказался сегодня лишь потому, что Макс Холм, экскурсовод нашего Астрономического музея, умчался в Харрисонбург к зубному врачу), я бы нашел возможность предложить этим цыпам более романтическую, на воздушном шаре экскурсию по нашему округу Покахонтас. Сверху действительно открывается совершенно изумительный вид на наш радиотелескоп, окружающие его зеленые горы и восемь рек, стекающих с этих гор в вирджинские долины. Да, я знаю, что такие пассы не очень кошерны с моральной точки зрения и – главное – с последнего сиденья автобуса, где расположилась престарелая супружеская пара. Но когда тебе сорок четыре и ты месяцами живешь вдали от се-

мый (моя Кэт на том побережье работает в больнице Sunny Pine в двухстах милях на север от Лос-Анджелеса, а я тружусь вахтовым способом – месяц дома, два в Грин-Бэнке, а как еще выжить при этой чертовой безработице?), то хочешь – не хочешь, а будешь заглядываться на любых цыплят и даже на уток, забредающих порой в наш астрономический заповедник Jurassic Park. При этом я вовсе не собираюсь изменять жене, а, наоборот, месяцами находясь в двух тысячах миль от Кэтти, горжусь своей супружеской верностью. Но посмотреть... Впрочем, женщины этого не понимают. Однажды, сразу после свадьбы, мы с Кэтти зашли в ресторан, а навстречу нам, выходя из ресторана, шла какая-то пара. Мы разминулись с ними, не сказав друг другу ни слова, но едва сели за столик, как Кэтти устроила мне чуть ли не скандал за то, что я якобы как-то особенно посмотрел на ту женщину. А как я на нее посмотрел? Если я люблю свою жену, неужели я должен выколоть себе глаза и не замечать других красивых женщин?

Тут я увидел, что на часах 12.45, и маляры, как я сказал, уже спускаются по лестницам крутых станин GBT. Вообще-то на покраску пластин всей его антенны-тарелки, равной по площади олимпийскому стадиону, требуется пятнадцать лет. А поскольку срок годности особой теплоотражающей краски, которой покрыта тарелка, тоже пятнадцать лет, то, дойдя в покраске до одного ее конца, приходится начинать эту покраску с другого. Оставляя при этом макси-

мальное время основной работе телескопа, то есть сбору радиоволн нашей и всех остальных галактик...

Проводив взглядом воздушные шары, удаляющиеся в небо от Snowshoe Ski Resort, я завел мотор, и мои (впрочем, какие уж тут мои?) барышни и остальные туристы потянулись в автобус.

В 13.00 включали GB-телескоп, и я был обязан занять свое рабочее место астрометриста.

Часть первая

1

Итак, был, как вы уже поняли, обычный сентябрьский день. Наспех перекусив в кафетерии, я в 13.00 поднялся к своему кабинету на втором этаже нашей обсерватории и – удивленно замер на месте. Обе острогрудые цыпы стояли в коридоре у стендов с портретами отцов-основателей радиоастрономии и фотографиями открытых нами дальних областей Вселенной, а у двери моего кабинета маячил пятнадцатилетний Сидней Бэрроу, мой подопечный из харрисонбургской гимназии, наблюдающий за ORW-719/15 пульсаром. Поскольку в рейтинге американских школ школы Западной Вирджинии издавна находятся почти на последнем месте, наш губернатор решил повысить школьную успеваемость программой «каждому школьнику по пульсару», и теперь все сотрудники нашей обсерватории стали школьными «менторами» и имеют по дюжине, а то и больше, подопечных юных астрономов. Но какого черта этот худой, как циркуль, Сидней приперся в учебный день из Харрисонбурга в Грин-Бэнк и что здесь делают эти цыпы?

– Здравсьте, мистер Виндсор! – нервно метнулся ко мне Сидней, одетый, несмотря на жару, в рубашку с длинными

рукавами и плотные джинсы. Он был явно взволнован, даже его рука, которую я пожал, была влажной от пота.

– Привет, – сказал я. – Что случилось?

– Можно мне поговорить с вами?

– Конечно. Ты уже говоришь. – Я открыл дверь своего кабинета, краем глаза следя, как две цыпы заинтересованно подходят к нам поближе. – Заходи. Эти красавицы с тобой?

– Да. Но... – Он замялся. – Я должен поговорить с вами наедине.

И он метнул в них таким взглядом, что они тут же отпрянули назад, к космическим стендам.

Дивясь про себя его власти над этими красотками (и даже позавидовав ей), я вошел в кабинет, сел к своему компьютеру и показал Сиднею на соседний стул.

– Садись. Значит, группу поддержки мы не приглашаем?

– Нет. – Он сделал небрежный жест рукой и смахнул со лба пепельную челку, куда по новой молодежной моде было вплетено птичье перо. После чего открыл перекинутую через плечо холщовую сумку и достал какие-то бумаги. – Мистер Виндсор, как вы знаете, я наблюдаю пульсар ORW-719/15.

– Да, знаю.

– На расстоянии семнадцати миллионов световых лет...

– Да, я помню. И что?

– С одним импульсом...

– Конечно.

– Но у моего пульсара не один импульс, а два!

– Ну, это бывает. Редко, но... Дело в том, что пульсар – это, как ты знаешь, взорвавшаяся звезда. При взрыве она разлетелась, а ядро сжалось в миллионы раз и продолжает вращаться, и от магнитной оси его вращения исходит радиоимпульс, который и ловит наш ГВТ. Но иногда ось пульсара так смещена, что импульс цепляет нашу тарелку не один раз, а дважды, и тогда на астрометрии получается как бы два импульса. Понимаешь?

– Ага. – Сидней кивнул, всем своим тонким лицом показывая плохо сдерживаемое нетерпение. – Но посмотрите сюда, мистер Виндсор. – И он развернул передо мной рулон бумаги с графиком, похожим на обычную кардиограмму. – Вот эти импульсы. Они не такие, как у других пульсаров. То есть амплитуда разная – видите? И через неравные промежутки...

Действительно, на «кардиограмме» были видны неравные промежутки между разными по величине импульсами этого ORW-719/15. Я заинтересованно взял в руки рулон. Дело в том, что гигантская тарелка нашего телескопа ГВТ ежесекундно снимает из космоса такое количество радиоволн, что проанализировать весь этот поток информации невозможно, даже если бы в нашей обсерватории было не восемь таких астрометристов, как я, а восемьсот. И потому из всего потока мы берем в обработку только информацию с тех сегментов небесной сферы, которые имеют отношение

к конкретным задачам, поставленным нам НАСА, Агентством метеонаблюдений или другими космическими центрами. А весь остальной нерасшифрованный массив поступает в самое широкое пользование всем желающим, включая вирджинских школьников. И потому...

– Ты уверен, что твой принтер в порядке? Возможно, он просто дергает бумагу.

– Нет, мистер Виндсор. – И Сидней развернул еще три рулона. – Вот принт еще с трех принтеров. Не моего домашнего, а школьных.

– Н-да, странно... – сказал я. – Ну, хорошо, оставь это мне, я разберусь после работы. Это же принты месячной давности. Чтобы их проверить, мне нужно залезть в банк памяти GBT.

И я стал сворачивать рулоны, показывая Сиднею, что аудиенция окончена.

Но он даже не встал со стула.

– Извините, сэр, – сказал он, упрямо наклонившись вперед. – Если бы дело было только в этих импульсах, я бы не приехал сюда из Харрисонбурга.

– А в чем же дело? – Я посмотрел ему в глаза и вдруг обнаружил в них какой-то странный страх и даже панику. – В чем дело, Сидней?

Вместо ответа он молча достал из своей сумки обыкновенный лист А4 и, еще не разворачивая его, сказал:

– Дело в том, мистер Виндсор, что я подумал... Короче,

как вам сказать? Я подумал сравнить эти импульсы с азбукой Морзе. Понимаете? – и он пытливо заглянул мне в глаза.

– И что? – спросил я.

Теперь он развернул передо мной лист А4.

– Вот что я расшифровал, мистер Виндсор.

На листе крупным шрифтом был набран текст:

ПОСЛАНИЕ ЗЕМЛЯНАМ

ЕСЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ ЗЕМЛЮ СВОЕЙ ПЛАНЕТОЙ, ТО ГЛУБОКО ОШИБАЕТЕСЬ!

1 240 000 ЗЕМНЫХ ЛЕТ НАЗАД МЫ ПРИНЕСЛИ НА ЭТУ ПЛАНЕТУ ЖИЗНЬ И ИНТЕЛЛЕКТ, ДОСТАТОЧНЫЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ЗАЛОЖИВ ИНСТИНКТЫ ВАШЕГО ПРОГРЕССА, МЫ ПОКИНУЛИ ЗЕМЛЮ, А ТЕПЕРЬ ВОЗВРАЩАЕМСЯ И ПО ПРАВУ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ И ОСНОВАТЕЛЕЙ ЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВСТУПАЕМ В ПОЛНОЕ И БЕСПРЕКОСЛОВНОЕ ВЛАДЕНИЕ ЭТОЙ ПЛАНЕТОЙ.

НАШЕ ПРИБЫТИЕ СОСТОИТСЯ 17 СЕНТЯБРЯ 2015 ГОДА ПО ВАШЕМУ КАЛЕНДАРЮ, В 18.00.

В СВЯЗИ С ЭТИМ ТРЕБУЕМ К 12.00 ОСВОБОДИТЬ ОТ ЛЮДЕЙ ВСЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАЛИФОРНИИ В ЗОНЕ 30 МИЛЬ ОТ БЕРЕГА.

В СЛУЧАЕ НЕВЫПОЛНЕНИЯ ЭТОГО ТРЕБОВАНИЯ ВСЕ НОМО SAPIENS,

ОСТАВШИЕСЯ НА ЭТОЙ ТЕРРИТОРИИ ПОСЛЕ 12.00, БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ МЕРАМИ НАШЕГО АКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.

FHS-77427,

КАПИТАН ЗВЕЗДОЛЕТА «Н-1»

Вот такой идиотский текст. Можете себе представить?

Я откинулся на спинку кресла:

– Ты меня разыгрываешь?

И вдруг увидел слезы в его глазах.

– Сэр, – сказал он. – Это не шутка. Сегодня шестнадцатое сентября две тысячи пятнадцатого года. До их прилета меньше суток, вы понимаете?

– О'кей, о'кей... – попытался я успокоить его. – Я верю, что это не твоя шутка. Какие-то хакеры влезли в твой компьютер...

– Нет, сэр. Это распечатка файлов, которые я месяц назад снял на флешку с вашего компьютера.

– Ты... хочешь сказать, что хакер влез в наш компьютер?

Это было нереально. Конечно, какая-нибудь талантливая сволочь может с помощью очередного компьютерного вируса проникнуть даже в сверхсекретные компьютерные базы Пентагона, но чтобы через мощнейшую систему защиты наших компьютеров занести этот наглый текст в поток космических радиоволн? Зачем? Я восемь лет отслужил оператором радиолокатора на авианосце «Джон Кеннеди», еще год в береговой охране и уже четыре года пашу старшим астро-

метристом GBT, но за все это время я никогда не видел такой наглой и – самое главное – бессмысленной шутки компьютерных хакеров!

Через большое, в полстены, окно своего кабинета я невольно посмотрел на GBT. Гигантский ажурный красавец по-прежнему стоял в кольце зеленых гор, подставив небу свою белую стометровую тарелку, словно исполинское ухо, способное принять радиоволны сотен галактик на расстоянии тысяч парсеков от нас. Вся эта информация, закодированная на приемнике телескопа, поступает по зарытому в землю оптическому кабелю на компьютеры и декодеры нашей Lab & Tare-room – так по старинке мы называем помещение, где раньше, двадцать лет назад, хранились пленки с записью всей поступающей на радиотелескоп информации. Теперь вместо громоздких бобин с пленками там стоят шкафы с хард-дисками нашего информационного банка. Так не проник ли туда какой-нибудь недавно уволенный из обсерватории мерзавец? Впрочем, я тут же и отменил эту мысль. Ведь попасть туда можно только из control room, то есть диспетчерской, да и то в сопровождении дежурного оператора, который – единственный – имеет право открыть тяжелую, как в банковском хранилище, стальную дверь, сдвинуть стальной рычаг замка, вытянуть дверь на себя и войти в темную комнату размером с хороший теннисный корт. Безостановочно, круглые сутки мерно и почти неслышно гудят там вентиляторы и кондиционеры, охлаждающие галерею сверхмощных

компьютеров, декодеров и атомных часов, собранных по нашему заказу айтишными гениями Америки, России, Индии и Израиля. Но именно потому, что там хранится слишком ценная информация, собранная со всей Вселенной, никогда и ни под каким предлогом туда в одиночку не войдет не только посторонний, но даже сам Кен Келманн, шеф-основатель нашей National Radio Astronomy Observatory (NRAO). К тому же стоит прерваться или хотя бы на миг сбиться потоку информации с GBT, как вся control-room оглашается сиреной тревоги и мощными импульсами красного табло. Нет, о проникновении в Lab & Tare-room какого-то саботажника и речи быть не может! Час работы нашего радиотелескопа стоит 20 000 долларов, и самые знаменитые астрономы со всего мира стоят в очереди за этим драгоценным временем!..

Но каким же образом этот грёбаный хакер подсунил в белоснежную и только что заново выкрашенную тарелку нашего красавца это дешёвое «Послание»? Или этот Сидней действительно выловил сигнал космического объекта, который мы принимали за пульсар? То есть не мы, наша обсерватория не занимается пульсарами, мы определяем местонахождение куда более крупных небесных тел. Но у русских где-то под Москвой, в Пушино, есть обсерватория, которая изучает пульсары с помощью космического радиотелескопа «Астрон»...

– Кто-нибудь знает об этом послании? – спросил я у Сиднея.

– Нет, сэр.

Я кивнул в сторону коридора:

– А эти барышни? Они твои одноклассницы?

– Нет, сэр, они старше на год... – Он почему-то покраснел и поспешно добавил: – Но они ничего не знают, клянусь! Просто я сказал им, что мне срочно нужно в Грин-Бэнк, и они меня привезли. А мне еще нет шестнадцати, я не могу водить машину...

– Хорошо, посиди здесь.

Взяв его бумаги, я вышел из кабинета и через весь коридор, мимо этих грудастых гимназисток и портретов Карла Янского, Гроута Ребера и других отцов-основателей радиоастрономии, а также мимо кабинетов тридцати сотрудников нашей обсерватории пошел в противоположное крыло здания, в кабинет Кена Келманна. Когда Кен уйдет от нас в миры, доступные только для радиоастрономии, его портрет тоже будет висеть в этом коридоре. Специалист по исследованию галактик и квазаров, основатель радиоастрономической службы NASA, лауреат премии Американского Астрономического Общества, член Общества Макса Планка и Международного Астрономического союза, Келманн помимо этого был еще академиком Российской академии наук и ментором Радия Хубова, руководителя всей российской радиоастрономической службы, который каждое лето (включая нынешнее) проводит в нашей обсерватории по два-три месяца. Короче, одного телефонного звонка Кена будет до-

статочно, чтобы поднять на ноги даже Агентство национальной безопасности США, а Радий Хубов одним звонком может получить полную информацию о работе Пущинской обсерватории.

Дверь кабинета Кена была настежь открыта (это «Первый Закон Келманна», то есть так у нас заведено со дня основания обсерватории), и, еще подходя к его офису, я услышал, как он по-русски говорит с кем-то по телефону:

– Да, Ян... Хорошо... Don't worry, я буду проверить... I let you know... До свиданья...

Когда я служил на военном флоте, учителя занимались с нами русским и китайским языками, чтобы мы могли слушать русских и китайских военных летчиков и подводников. С тех пор я знаю весь русский мат и три десятка приличных русских слов и выражений, а по китайскому языку даже помогаю дочке делать школьные уроки.

Положив телефонную трубку, Кен поднял на меня свою лысую голову.

– Привет, Стив! Ты не поверишь, сейчас мне звонил Ян Замански, директор Пущинской обсерватории под Москвой. Я, между прочим, был там еще в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году на сборке их главного телескопа. Так вот, он сказал, что какой-то хакер заслал на «Астрон» сообщение о высадке на землю десанта инопланетян. Представляешь, до чего дошли эти гениальные юные мерзавцы!

Вместо ответа я молча положил перед Кеном только что

привезенное Сиднеем Бэрроу «Послание».

Кен изумленно посмотрел на текст, потом на меня, потом снова на «Послание». Но дочитать его не успел – телефон на его столе загудел снова. Он снял трубку и через десять секунд изумленно воскликнул:

– Что?! – Затем с озабоченным лицом выслушал то, что ему сказали, осторожно положил трубку на рычаг и посмотрел на меня. – В Нью-Мексике вышли из строя все двадцать семь радиотелескопов VLA...

И в этот момент в офис влетел Радий Хубов, руководитель всей российской радиоастрономии, многолетний соавтор Кена и мой партнер по шахматам и теннису. Молодой, еще нет сорока, академик, он единственный в нашей обсерватории ходит на работу в строгом костюме и при галстуке. Но при этом постоянно, даже когда пишет на компьютере свои статьи по-английски, мурлычет какую-то популярную в России песню про смуглянку-молдаванку, с которой ему очень хочется встречать над рекою летние зори. Впрочем, понятно почему – в свои тридцать семь толстяк Радий все еще холостяк...

Но сейчас ему явно было не до той смуглянки-молдаванки.

– Катастрофа! – крикнул он с порога. – Мы потеряли связь с космической станцией «Астрон» и всеми спутниками! Интернет отключен, мобильной связи нет во всем мире!

Я посмотрел на часы. Было 13.17, этот инопланетный ка-

питан FHS-77427 применил «меры активного воздействия» даже раньше обещанного времени.

2

Как известно, летом американский президент играет в гольф на Мартас Вайнярд, острове-курорте в пяти милях от Кейп-Кода. Рождественские каникулы он проводит на поле для гольфа на Гавайях, а мартовский брейк – на Палм-Бич во Флориде. Но все остальное время он вынужден томиться в Белом доме, где, спасаясь от безделья, играет в карты с женой и помощниками. Обращаю ваше внимание на то, что в этих моих словах нет ничего осуждающего. Когда государственная машина работает, как атомные часы нашей обсерватории, и когда на всех ее ключевых постах денно и нощно трудятся талантливые, высокообразованные и не коррумпированные чиновники, думающие только о благе своего народа, то президенту и незачем прибегать к так называемому ручному управлению, как это постоянно вынужден делать, например, президент России. Правда, рекордная безработица, жуткая инфляция и крах всей системы здравоохранения портят нашу статистику, но кого в Белом доме волнуют эти «пятна на солнце» в стране, провозглашенной президентом «страной великой социальной справедливости»? По сообщениям телеканала GBTV, даже в тот день, когда наша авиация и флот проводили сверхсложную операцию по уничтожению

Бен Ладена, президент преспокойно сыграл пятьдесят партий в покер! Иными словами, как любит говорить знаток русской поэзии Радий Хубов, «ничто нас в жизни не может вышибить из седла!».

Но в этот день президенту пришлось оторваться от гольфа – благо, еще при Джоне Кеннеди на остров Марты была по дну Бостонского залива проведена кабельная спецсвязь. И теперь в 13.47 в скромном президентском бунгало президент, разгоряченный гольфом, в промокшей от пота футболке, сидел перед широкой, во всю стену панелью телеэкранов, на которых шло его экстренное совещание с главами «Большой восьмерки» – Великобритании, Германии, Италии, Канады, России, Франции и Японии. И если в Европе в это время было восемь вечера, то в Москве уже десять, а в Японии вообще глубокая ночь. Поэтому европейские президенты и премьер-министры выглядели недовольными, русский президент усталым, а японский премьер-министр – сонным.

– Извините, фрау и господа, но произошло событие настолько важное, что я вынужден оторваться от отпуска и оторвать вас от ваших дел, – сказал президент, привычно, как на трибуне, поворачивая голову слева направо и справа налево. – Судя по тому, что только взвешенное вмешательство способно блокировать нашу связь со спутниками, парализовать Интернет и ввести режим радиомолчания на всей планете, к нам действительно летит космический корабль, причем с явно недружественными намерениями. Я думаю, рус-

ские знали об этом еще месяц назад, но по своей привычке все засекречивать не позволили своим ученым тут же сообщить нам. А теперь так называемые «меры воздействия» этих неожиданных пришельцев вызвали хаос – без радиосвязи у нас уже разбились четырнадцать самолетов, закрылись все аэропорты, а корабли и танкеры с нефтью сбились с курса. Биржи и банки не работают, даже мы с вами можем теперь общаться только по правительственному кабелю. В связи с этим нам нужно срочно выработать единую позицию, чтобы говорить с пришельцами от имени всего человечества. Прошу высказываться коротко и конструктивно. Кто начнет?

– Well... – сказал британец после короткой «паузы вежливости». – Могу я?

Всеобщее молчание означало согласие, и он продолжил:

– На мой взгляд, не следует сгущать краски. Интернета действительно нет во всем мире, но режим радиомолчания распространяется только на американскую территорию. В Лондоне, Глазго, да и в Европе все аэропорты открыты. Между прочим, одиннадцатого сентября две тысячи первого года было куда хуже – тогда из-за взрыва Всемирного торгового центра вы посадили на землю всю мировую авиацию, и ничего – мы это пережили.

– К тому же... – вмешался темпераментный француз. – Вы позволите?

– Давай, – согласился американец.

– Я хочу добавить, – торопливо сказал француз, – не рабо-

тает только то, что связано с радиоволнами. А все, что идет по проводам – и старое телевидение, и электричество, и даже телефонный кабель, проложенный сто лет назад по дну Атлантики, – все функционирует в обычном режиме. По этому кабелю мы с вами сейчас и общаемся...

– То есть мы вполне можем жить так, как жили каких-нибудь тридцать лет назад без Интернета, – уже без всяких извинений вступил итальянец.

– Но авиация? Как ей работать без радиосвязи? – изумился американский президент, на пол-оборота повернувшись к своим помощникам и советникам, которые сидели за его спиной в глубине situation room, комнаты чрезвычайных ситуаций. – И танкеры! – вновь обратился он к своим заморским партнерам. – Мы не можем существовать без нефти!

– Я думаю, сэр, – веско произнес крупный и широкоплечий канадец, – все дело в том, что вы не выполнили первое требование пришельцев и до сих пор не объявили об эвакуации Калифорнии.

– Эвакуация идет, – ответил американец, и сидевшие за его спиной советники усиленно закивали, подтверждая его слова.

– Стихийная, – уточнил канадец. – Люди по телевизору узнали об ультиматуме пришельцев и не стали ждать вашего приказа, а сами бросились бежать с побережья...

– Мне, герр президент, тоже кажется, – добавила пожилая немка, – что вы сами спровоцировали инопланетян на

их «меры активного воздействия». Мы не знаем, почему они выбрали Америку для посадки, может быть, они хотели оказать вам честь. А вы не организовали их встречу...

– По нашему телевидению я вижу, что в Калифорнии настоящая паника, – продолжил канадец. – Все дороги забиты, люди штурмуют поезда и автобусы. Но нигде нет ни вашей полиции, ни армии. А вы играете в гольф...

– Только прошу без расистских упреков! – возмутился американец, и все его советники тоже возроптали.

– Почему расистских? – изумился канадец.

– Потому что гольф такая же игра черных, как и белых, – ответил американец под одобрительный шум своих советников. – Тайгер Вудс – афроамериканец, а был чемпионом мира! А что касается приказа об эвакуации, то как я мог отказать такой приказ? Ведь у нас с вами договор не уступать террористам и не вступать с ними ни в какие переговоры! Это закреплено секретным протоколом, подписанным нашими странами двадцать лет назад!

С заднего ряда стульев тут же вскочил кто-то из советников и подсунул президенту текст секретного протокола.

– Вот, пожалуйста! – сказал президент, поднимая на камеру этот протокол.

– Но пришельцы не террористы, – негромко произнес японец. – Они прибывают на свою землю и требуют не так уж много – всего тридцать миль. Я думаю, у них есть на это такое же право, как у нас на Курильские острова, а у Аргенти-

ны на Фолклендские. Если бы у Японии были такие технические возможности, как у этих инопланетян, мы давно вернули бы свои острова.

– Они никакие не *ино*планетяне, – заметил британец. – Они земляне, как мы с вами. Просто они улетели миллион лет назад, а теперь возвращаются на собственную планету. Право собственности священно, во всяком случае – у нас в Британии.

– I see... – разочарованно протянул американец, он рассчитывал совсем на другой результат этого совещания. И вынужденно посмотрел на экран с российским президентом, который за все это время не произнес ни звука. – Вы хотите что-нибудь сказать, мистер русский президент?

– Нет, – ответил тот, – не хочу. Мы же с вами уже год не разговариваем. Но если вы настаиваете...

Советники американского президента неодобрительно нахмурились.

– Я не настаиваю, – сказал американец. – Но думаю, что сейчас нам не до личных конфликтов.

– Вот именно, – со скрытым торжеством произнес русский. – Что ж... Если вы меня *просите*, я скажу. Во-первых, ваши упреки относительно нашей привычки к секретности были тут неуместны. И ваши, и наши, и даже японские астрономы принимали этот звездолет за обычный пульсар, – и он повернулся к японскому премьер-министру. – Не так ли, мистер?

Японец молча кивнул, и русский продолжил, подавшись головой вперед и глядя в глаза американскому президенту:

– А что касается сложившейся ситуации, то думаю, что требование пришельцев вам придется выполнить. Вспомните: двести лет назад вы были пришельцами в Америке и с помощью огнестрельного оружия отняли ее у индейцев. А теперь наступила расплата – другие пришельцы с помощью своего оружия будут отнимать Америку у вас. Не знаю, загонят ли они вас в резервации, как вы когда-то загнали индейцев, но если вы собираетесь говорить с ними от имени человечества, то сначала прислушайтесь к тому, что это человечество говорит вам. А оно уже давно говорит, что время, когда Америка диктовала миру свою волю и свои прихоти, – эта эра закончилась. Теперь на Землю прибывает новая власть, сильнее вашей, и мы хотим с ней сотрудничать, а не воевать за вашу Калифорнию.

– Bravo! – вдруг раздался какой-то новый и несколько металлический женский голос, и на девятом, темном до сих пор экране возникло молодое и очень красивое женское лицо, удивительно похожее на лицо голливудской звезды Милы Йовович, только увеличенное крупным планом или какой-то особой оптикой. – Bravo! – повторила эта женщина. – Я FHS-77427, командир звездолета «Н-1». Как я вам уже сообщила, завтра мы совершим посадку в Калифорнии, и все люди, которые до нашего приземления останутся в тридцатимильной береговой зоне, будут аннигилированы. Это

будет наглядным примером нашего могущества и покажет землянам, что всякое сопротивление бессмысленно и смертельно. Учтите, что уровень нашей цивилизации позволяет нам аннигилировать не только биологические организмы, но и любое ваше оружие, включая термоядерное, а также всю авиацию, включая частные самолеты и вертолеты. Завтра мы вступаем в управление Землей, и, безусловно, нам понадобятся вассалы, способные управлять своими территориями в соответствии с нашими приказами. Те из вас, кто пойдет на это сотрудничество, останутся у власти, с остальными мы разберемся по-своему. У вас есть вопросы?

Президенты, премьер-министры и советники хозяина Белого дома пораженно молчали.

FHS-77427 обвела взглядом экраны с их угнетенными лицами.

– Всё, – сказала она. – Раз у вас нет вопросов, то – до встречи!

– Минуту! – вдруг сказала немка. – У меня есть вопрос.

– Слушаю, – удивилась FHS-77427.

– В вашем послании сказано, что миллион лет назад вы были на Земле и заложили основы цивилизации. Я проконсультировалась с нашими археологами. Они говорят, что даже самые глубокие раскопки не находят следов цивилизации, существовавшей у нас миллион лет назад. Да и вы не выглядите миллионолетней женщиной. Какие же у вас доказательства того, что все, о чем вы написали, правда?

FHS-77427 усмехнулась:

– Доказательства? Завтра вы получите такое количество доказательств... Впрочем, кое-что могу сказать и сейчас. Вот уже двести лет, со времен вашего Дарвина, ваши ученые не могут найти промежуточное звено эволюции обезьяны в человека. Не так ли? Так вот завтра вы получите это звено. Улетая, мы забрали его с собой, но завтра я верну его вам, – и FHS-77427 снова как-то недобро усмехнулась. – А что касается меня... Да, я не выгляжу миллионолетней. Спасибо, что вы это заметили. Но ведь я сообщила вам, что являюсь 77427-й в династии FHS. При способности наших женщин к деторождению в возрасте от четырнадцати до семидесяти лет, посчитайте, когда была первая FHS – Female Homo Sapiens. И, наконец, самое главное доказательство нашего первородства – посмотрите на себя, фрау. Конечно, вы старше меня лет на тридцать, но в остальном... Вы и есть главное доказательство того, что мы создали вас по своему образу и подобию. Не так ли, господа? Спасибо за внимание и – до встречи!

3

Буквально через минуту после этого совещания какая-то неведомая сила сбросила на все телеэкраны мира его видеозапись. Не знаю, как реагировали вы, а я, даже не досмотрев до конца эти «экстренные новости», уже швырял в свой

старый, 2012 года «Форд-пикап» все, что было в моем холодильнике: сыр, хлеб, сосиски, яблоки, ореховую пасту. А из гаража – канистры с бензином и банки с моторным маслом. Если вы хотя бы раз в неделю смотрите The Blaze TV Глена Бэка и слушаете радишоу Раша Лимбо, Майка Левина и Шона Хэннеди, то у вас есть или 20-years food insurance – двадцатилетний страховочный запас продуктов, или просто всего понемногу на черный день. Ну и, конечно, какое-нибудь оружие...

Черный день настал семнадцатого сентября 2015 года, и хотя Гленн Бэк имел в виду совершенно другую катастрофу, я мысленно сказал ему спасибо за то, что он четыре года пугал нас ее неотвратимостью. Во всяком случае, именно благодаря Бэку, Лимбо, Левину и Хэннеди в моем письменном столе были спрятаны 1200 долларов наличными, а в гараже – восемь пятигаллонных канистр с бензином и десять банок машинного масла. То есть, даже если из-за паники в Калифорнии там уже опустели все бензоколонки, я доберусь домой.

И в тот момент, когда эта FHS-77247, или Iron Beauty, Железная Красотка, как тут же назвали ее наши тележурналисты, объясняла знаменитой немецкой канцлерше приметы своего первородства, я уже разговаривал со своей двенадцатилетней дочкой. Моя умница сама позвонила мне буквально за секунду до того, как в нашем служебном таунхаусе, общежитии квартирного типа, я собрался на допотопном теле-

фонном аппарате набрать номер своего домашнего, в Sunny Pine, телефона.

– Папа, я боюсь! Ты видел ТВ? – услышал я жалобный голос Энни.

У меня сжалось сердце и похолодел живот, словно к нему приложили подушку со льдом.

Но я не выдал себя.

– Don't worry, dear! Не дрейфь, дорогая! – сказал я, формируя свой голос деловым оптимизмом. – Я уже выезжаю! Послезавтра я буду дома. А где мама?

– Папа, ты не можешь быть тут послезавтра, с того побережья сюда три дня езды.

– Энни, тут всего две тысячи семьсот миль! Если по всей стране режим радиомолчания, то у полиции не работают ни радары, ни фоторегистраторы, и я могу ехать с любой скоростью. Понимаешь? А где мама?

– Мама на работе, я не могу дозвониться на ее мобильник...

– Это потому, что и там режим радиомолчания. Не беспокойся, она скоро приедет.

– Папа, ты видел, какая большая эта FHS? Они нас анни... аннигилируют? Я посмотрела в словаре, это ужасно!

– Спокойно, Энни. Вы же не в тридцатимильной зоне, а в ста милях от берега! Это раз. И второе: никакая она не большая, это просто оптика, оптический эффект. На самом деле они такие же люди, как мы. Просто им нужна пустая терри-

тория, а ты же знаешь наших людей – если их не напугать как следует, они не сдвинутся с места. Даже когда «Катрина» летела на Луизиану, половина Нового Орлеана не эвакуировалась, а сидела дома и смотрела по телевизору, как у них провало плотину. Так что не бойся, пришельцы только пугают. А когда мама приедет, скажи ей, что я уже в дороге. О'кей?

– Приезжай быстрее. Я тут одна и боюсь...

– Ты не одна, ты с Баксом. Он твой лучший защитник, ты же знаешь. Чао, дорогая, я поехал.

– Чао, папа. Езжай осторожно...

Бакс – семилетний боксер, которого мы щенком подарили Энн на ее пятый день рождения, – был действительно ее телохранителем, рабом, слугой и чуть ли не владельцем. Во всяком случае, иногда мне казалось, что он и меня к ней ревнует и подпускает буквально скрепя сердце. Нет, он признает мою власть над ним и вообще в доме, но стоит мне обнять дочку за плечи или хотя бы положить руку ей на плечо, как он тут же встает со своей подстилки, напрягает мускулатуру и смотрит на меня в упор своими наглыми и выпуклыми, как большие пуговицы, глазами. Не рычит, нет – этого еще не хватает! – но...

Короче, никто, кроме меня и Кэт, не может приблизиться к Энни, утром Бакс провожает ее до школьного автобуса и ровно в 15.00 встречает на остановке, сопровождает во всех велосипедных прогулках и поездках в библиотеку и в кино, а когда она выходит из нашего двора на улицу полить из шлан-

га цветы и траву, он с таким свирепым видом осматривает каждого приближающегося прохожего, что люди на всякий случай трусливо переходят на другую сторону улицы.

«Форд-пикап» завелся с пол-оборота – теперь, когда эти чертовы пришельцы вырубил Интернет и все телескопы мира, мне уже было плевать на запрет пользоваться в Грин-Бэнке машинами с бензиновым двигателем. Хотя я всеми силами пытался убедить дочку, что ничего страшного не случилось, сам я уже был убежден в обратном. Резко подав назад, я вылетел из гаража и чуть не сбил Радия Хубова, который растерянно брел в наше общежитие, гадая, наверное, как же ему теперь попасть домой, в Москву.

Но при всей моей симпатии к этому русскому мне было некогда сказать ему даже пару слов сочувствия. Я перевел рычаг на drive, вымахнул на 219-ю дорогу и со скоростью сто тридцать миль в час помчался на запад, резко тормозя на крутых спусках и петляющих лесных поворотах и до упора выжимая газ на подъемах. Прекрасная природа Западной Вирджинии, этакая смягченная Швейцария, только совершенно безлюдная, вылетала на меня из-за каждого поворота и стелилась по обе стороны дороги. Густая, рослая и буквально пышущая из-под земли зелень еловых и сосновых лесов, уже слегка отяжеленная осенней медью; мелькание телеграфных столбов, украшенных полированными пластинами новеньких солнечных батарей, которыми так увлекается наш президент; ковры свежескошенных полей со скатанным

в рулоны сеном, уже завернутым в белый и черный пластик (о, какой сладко-озоновый запах бьет от них в открытое окно! вы когда-нибудь занимались любовью на копне свежескошенного сена?); старые, в колониальном стиле дома местных фермеров и торчащие за ними белые вертикальные колбы силосных башен; стада флегматичных коров, с философским спокойствием щиплющих зеленую траву; семьи чутких оленей, пугливо ныряющие с дороги в лес, показывая вам на прощанье свои белые попки с задранными вверх хвостиками; ястребы, бесшумно парящие в воздухе, и черные белки, перелетающие с ветки на ветку в своих любовных гонках... И всю эту покойную красоту, все это миролюбивое богатство отдать каким-то пришельцам? Господи, их не было миллион лет! Разве нам и без них не хватало проблем?

Кажется, я впервые в жизни позавидовал этим оленям и белкам. Их никто не пугает грядущими кризисами, безработицей, инфляцией, девальвацией, «арабской весной» и халифатом, никто не обвиняет их в расизме, шовинизме, антисемитизме и русофобстве и никто не грозит им коммунизмом, джихадом, экспроприацией, национализацией и атомной бомбой. Да, у них существует естественный отбор, но он – *естественный*, то есть результат природных и погодных неприятностей, а также болезней и старости. Волки могут догнать и загрызть больного оленя, ястребы могут выследить неумелую белку, лиса может изловить мышь или куропатку. Но вы когда-нибудь слышали о геноциде коров? Или о джи-

хаде оленей? Или об аннигиляции зайцев?

Радио в машине не работало, навигатор не включался и мобильный телефон молчал. Режим тотального радиомолчания по всей Америке. Если бы не паника и не форс-мажор, я бы наслаждался этой поездкой, как наслаждались ездой на авто владельцы первых фордовских автомобилей. И как наслаждаются тишиной парения над землей пассажиры воздушных шаров от Вирджинии до Калифорнии, куда я несусь сейчас практически сломя голову. Да, мой «Форд» буквально рвет пространство, он еще никогда не испытывал таких сумасшедших нагрузок, его тормоза еще никогда так не визжали, а его колеса еще никогда не вращались с такой скоростью...

Но мысли мои все равно летели впереди «Форда». Какого черта мы стали посылать в космос радиоволны? Тысячи лет мы жили без всякого радио и неплохо себя чувствовали на этой земле. Да, библейские тексты и народные мифы говорят, что *«в то время были на земле исполины»*. И недавние археологические находки гигантских скелетов в Индии и Конго подтвердили, что нет мифов без реальных основ. Но разве не там же, в Библии, сказано, что *«сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали [их] себе в жены»* и: *«сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им...»*. То есть если на самом деле миллион лет назад сюда прилетали какие-то инопланетяне, наши женщины их «приземлили» и растворили в на-

шей земной цивилизации. Из чего следует, что даже в других мирах нет таких красивых женщин, как наши (а хвостатые синие бабы в «Аватаре» – просто сказка).

Но зачем кричать об этом на всю Вселенную? Ведь с появлением радио наши радиоволны со скоростью света разлетелись во все стороны Галактики уже на сто световых лет от Земли. Конечно, в сравнении с размерами галактической спирали это ничто, крохотный, как сказал астроном Адам Гроссман, «пузырь человечества». Но ведь волны наших радио- и телестанций не знают преград, они продолжают разлетаться по Вселенной, и вот вам, пожалуйста – где-то на расстоянии сотни или двухсот световых лет какая-то FHS-77427 поймала их и...

Впрочем, почему я морочу вам голову, обвиняя Маркони, изобретателя радио, в появлении этих пришельцев? Мы, и только мы, астрономы, виноваты в этом! Зайдите на сайт SETI Institute, Института по поиску внеземного разума, и вы прочтете неопровержимое признание:

«Всё началось в 1959 году, когда два физика Корнельского университета Джузеппи Коккони и Филип Моррисон опубликовали в журнале Nature статью, в которой указали на возможность использования микроволнового радиоизлучения в качестве средства межзвёздной связи. Независимо от них молодой тогда радиоастроном Фрэнк Дрейк пришёл к тому же выводу. В 1960 году он впервые произвёл первый по-

иск сигналов от возможных братьев по разуму... Одновременно поиском внеземных цивилизаций активно занялись советские астрономы. В Америке началась волна интереса к «инопланетянам». Некоторые из программ, начатые в семидесятые годы, действуют и поныне...»

То есть мы, человечество, буквально заболели «космической лихорадкой» и начали с безумной скоростью строить все новые и новые радиотелескопы, чтобы срочно найти каких-нибудь «братьев по разуму». Их строили в Советском Союзе, Китае, Японии, Канаде, Аргентине, Коста-Рике и даже в Южной Африке! Пол Аллен, один из создателей «Майкрософта», дал двадцать пять миллионов долларов на создание «Множественного супертелескопа Аллена» (Allen Telescope Array) специально для поиска инопланетных цивилизаций. Эти телескопы – включая наш ГВТ, который обошелся в семьдесят миллионов долларов, – стали в поисках «братьев по разуму» шарить по всей Вселенной и ловить радиоимпульсы даже карликовых звезд и планет, умерших миллионы лет назад!

Но если бы только ловить эти импульсы! Если бы мы только слушали Вселенную своими «Большими ушами» – радиотелескопами! Так нет же! Едва поднявшись в космос, то есть только-только выйдя из земных пеленок, наша цивилизация стала сама посылать сигналы во все стороны Вселенной! 16 ноября 1974 года в Коста-Рике с передатчика самого крупно-

го в мире трехсотметрового радиотелескопа «Аресибо» мы отправили кодированное послание к звездному скоплению M13 в созвездии Геркулеса, что находится от нас на расстоянии 25 000 световых лет. Затем и русские из Центра дальней космической связи в Евпатории стали бомбить Вселенную своими «зовами» – «Космический зов 1999», «Первое Детское послание 2001», «Космический зов 2003», «Послание с Земли 2008». А четвертого февраля 2008 года Космическое агентство США передало в космос песню «Across the Universe» («Сквозь Вселенную») группы The Beatles. Сигнал был послан в направлении Полярной звезды, до которой 431 световой год. Так ребенок, едва родившись, начинает кричать на весь мир о своем существовании. Еще удивительно, как русские не додумались отправить в космос свою знаменитую «Калинку-малинку» или песню про «смуглянку-молдаванку», которую так любит Радий Хубов...

Ну, вот мы и докричались! Вот нас и услышали! Тысячи лет мы тихо, как Маленький Принц Экзюпери, жили себе на своей маленькой планете в дальнем уголке Вселенной, плодились-размножались, брали в банках кредиты и воевали друг с другом за нефть и женщин. А теперь?..

На кой черт летят сюда эти пришельцы? Что им нужно? Для чего им *все* калифорнийское побережье на тридцать миль в глубину? И сколько их? Сколько их может быть в звездолете этой Iron Beauty, похожей на Миллу Йовович? Даже такой мечтатель, как Джордж Лукас, в своих «Звездных

войнах» посадил в космический корабль не больше двадцати человек экипажа. Ну, хорошо, пусть этих пришельцев не двадцать, пусть их сто или даже тысяча (хотя это невероятно), – и что? Калифорнийское побережье – это тысяча миль, куда им столько? И какой образ жизни они нам навяжут? Они сделают нас рабами и заставят строить новые египетские пирамиды? Или сгонят в резервации на манер сталинского ГУЛАГа? А непокорных аннигилируют? Каким образом? А что, если у них есть телепатическое оружие и они способны читать мысли на расстоянии?

219-я дорога была абсолютно пуста в обе стороны, словно все жители Вирджинии, как мыши, попрятались в норы, чтобы смотреть телевизор и ждать очередных экстренных новостей. Я до упора выжимал педаль газа, «Форд» ревел и летел со скоростью 130 и даже 140 миль в час, я вспоминал растерянное лицо этого русского Хубова, который застрял в Грин-Бэнке в шести тысячах миль от Москвы, но вдруг...

Какой-то молоденький трупер-полицейский в плоской служебной федоре запоздало – когда я уже промчался мимо – выскочил из припаркованной в лесном кармане, как в засаде, полицейской машины и замахал мне своим полицейским жезлом. Пару секунд я еще по инерции жал на педаль газа, думая: «Да пошел ты! Что мне может сделать этот полицейский, когда мир рушится?», но при этом в зеркале заднего обзора я видел, как он отчаянно машет мне вслед не только жезлом, но и второй рукой. Почему? Может быть, впереди

уже зона аннигиляции?

Я сбросил скорость, прижал тормоз, остановился, поставил рычаг на «R» и поехал задом.

Когда его конопатое лицо возникло слева на уровне окна моего салона, я бесцеремонно сказал:

– What’s up? В чем дело?

– Куда ты летишь? У тебя скорость сто сорок! – ответил он, не потребовав ни моего водительского удостоверения, ни регистрационной карты.

Я усмехнулся:

– А как ты докажешь? У тебя же нет радара.

– Откуда ты знаешь?

Я изумленно посмотрел на него:

– Ты что, с Луны свалился?

Но тут он изумился больше меня:

– Why? Почему?

Мне показалось, что я просек ситуацию.

– Слушай, – сказал я. – Ты давно тут стоишь?

Он пожал плечами:

– С утра. А что?

– И ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– У тебя есть радио?

– Нет, радио отключилось два часа назад, и телефон тоже.

А потом почему-то исчезли все машины. Никто никуда не едет. Ты не знаешь, в чем дело?

Именно это я и предположил и посмотрел на часы. Было 15.27, два часа назад весь мир рухнул на миллион лет назад, в тот век, когда не было ни радио, ни телефонов. Но этот парень, которого поставили тут, чтобы для пополнения местного бюджета штрафовать нас за превышение скорости, ничего не знает, а живет еще в прежней эре.

Я понял, что этот недотепа послан мне самим Господом Богом, чтобы я хоть как-то расслабился и перестал гнать, как безумный. Поэтому я выключил двигатель (пусть он остынет), с деланной озабоченностью почесал в затылке и сказал:

– Well, мой друг. Я могу тебе сказать, в чем дело, но ты мне не поверишь.

– Почему? – снова удивился он.

– По кочану. У меня есть новость для тебя. Ровно через двадцать часов на землю высаживаются инопланетяне.

Он пренебрежительно скривился:

– Don't give me that shit! Не вешай мне лапшу...

– Вот видишь, – сказал я и развел руками. – Ты не веришь.

Поэтому можешь выписать мне штраф хоть на тысячу баксов. Я все равно не буду платить – банки не работают.

Тут он захлопал своими рыжими ресницами:

– Ты шутишь?

– Все, что я могу для тебя сделать, – заявил я ему, – это сказать тебе, как другу: вали отсюда! Заводи свою тачку и дуй в свой участок, там тебе все скажут.

– Но у меня дежурство. Еще три часа!

– Well, – ответил я и завел мотор. – Знаешь, как в таких случаях говорят русские летчики? «Отвали, блин! Счастли-во оставаться». Have a good time.

С этими словами я дал газ и помчался дальше, в Калифорнию.

В зеркале заднего обзора я видел, как этот рыжий трупер достал из кармана блокнот и записал мой номер.

Я усмехнулся, выставил из окна левую руку и показал ему палец. Все-таки хоть какая-то польза от прилета пришельцев!

4

В Беркли, с бензозаправки на пересечении 219-й и 64-го хайвэя, я из телефона-автомата снова позвонил домой. Кэт все еще не было дома, но Энни сказала, что мама звонила по рау-рhone, из телефона-автомата, она уже едет домой и велела мне передать, чтобы я не гнал как сумасшедший, у них все в порядке. Меня это, конечно, не успокоило – что у них может быть в порядке, если в стране нет ни Интернета, ни радио, ни мобильной связи, а пол-Калифорнии панически бежит от побережья на восток?

Тем не менее я уже без спешки заправил машину up to the ríng, до предела, – благо, индусы, которым теперь принадлежат все американские бензозаправки, испугавшись полного отсутствия машин на дороге, еще не взвинтили цены на

бензин. Я бы купил и еще сотню галлонов про запас, но у этих лентяев не было ни пустых канистр, ни баков на продажу. Я отдал сто десять баксов за бензин (7.99 за галлон, вот сколько он стоит теперь, в 2015-м!) и еще пять долларов за бумажный стакан дрянного кофе, сел в машину и уже не со скоростью ста тридцати миль в час, а всего сто десять покатыл по 64-му хайвэю. Было четыре после полудня, солнце раскаленным шаром висело над дорогой прямо перед моим капотом и слепило глаза даже через темные очки. Но с этим я ничего не мог поделать, впереди было две тысячи миль дороги прямо на запад.

Я ехал и думал о своей дочке. Двенадцать лет назад в военном госпитале Сан-Франциско два черных санитаря пулей выскочили из операционной и бегом, буквально бегом помчались по коридору, толкая перед собой кофр на колесах, похожий на авиабомбу с герметически притертой крышкой.

– Это твоя дочка! – на ходу крикнули они мне.

Я побежал за ними:

– Куда вы?

– В отделение для недоношенных. Тебя туда не пустят. Расслабься, она жива! – и с этими словами они скрылись за дверью с надписью: «НЕ ВХОДИТЬ!»

Конечно, я вошел. Пятнадцать минут ушло на объяснения с дежурной медсестрой, еще десять на разговор с врачом. Совершенно не помню, что я им говорил, но, наверное, обещал ударить по Сан-Франциско изо всех ракетных ство-

лов «Джона Кеннеди», если мне не дадут увидеть дочку. Поскольку я в то время служил на авианосце и был в парадной форме морского офицера, они капитулировали. Мне выдали стерильные зеленые бахилы с голенищами до паха, стерильный зеленый халат, стерильную зеленую шапочку и стерильные перчатки. Под строгим надзором медсестры я надел весь этот камуфляж и завязал на все тесемки. Потом по какому-то стерильному коридору мы пошли вглубь госпиталя. При этом медсестра строго предупредила, чтобы я ни к чему не прикасался и даже не думал не только брать дочку на руки, но и дышать на нее! После этого меня «так и быть, на одну минуту» завели в зал, похожий на космическую лабораторию XXIII века. Три десятка каких-то блестящих аппаратов, похожих на ванночки с прозрачными крышками и на высоких ножках, располагались в этом зале шестилепестковыми ромашками. В центре каждой ромашки была высокая тумба с мониторами, соединенными проводами и кабелями с каждой ванночкой-кювезом. Стараясь не дышать и осторожно ступая в бахилах по ламинатному полу, я шел следом за медсестрой мимо этих «ромашек» и поражался тому, что видел. В каждом кювезе лежал крошечный голый человеческий сморчок с подключенными к его (или ее) тельцу двумя, тремя или даже четырьмя тонкими трубочками и проводами. Медсестра на ходу объясняла мне, что в этих кювезах постоянно поддерживается теплый микроклимат, соответствующий температуре материнской утробы, и подается стериль-

но чистый воздух, смешанный с кислородом. И на каждые шесть кювезов приходится по дежурной медсестре, которая сидит над ними, как курица на яйцах, и видит на мониторах частоту пульса и другие параметры жизнедеятельности каждого ребенка.

После этого меня подвели к кювезу моей дочки. Под его прозрачной крышкой, на дне плоского корытца-ванночки, покрытого зеленой простынкой, лежал голый и крошечный, величиной с бутылку, розовый комочек с коротенькими черными волосиками на голове. Поджав крохотные ножки, она спала на правом боку, к ее носу тянулся тонкий шланг с кислородом, к виску был приклеен провод от монитора, а к ее маленькой, величиной с квотер¹, ступне была тесемкой привязана табличка с надписью «Mother – Kathy Windsor. 2,7 pounds»².

– Вот ваша принцесса! – сказала медсестра. – Поздравляю! Красавица!

Конечно, она могла и не говорить этого. Я и сам это видел. Моя дочь весом 2,7 фунта была самой красивой принцессой не только в этом отделении для недоношенных младенцев, но и во всем мире!..

Удар по тормозу!

Черт побери!

Я с такой силой вжал педаль тормоза, что машина юзом

¹ Монета достоинством 25 центов.

² «Мать – Кэтти Виндсор, 2,7 фунта».

пошла по асфальту, в кузове загрохотали канистры, а в бардачке гулко кляцнули несколько DVD и «Беретта». Но иначе я бы на полном ходу врезался в семейство из шести оленей, которые стояли прямо на шоссе в десяти метрах от машины и, повернув ко мне головы, смотрели на меня без всякого страха, а, я бы сказал, в изумлении. Словно это не они преградили мне дорогу, а я невесть откуда вторгся в их владения. Пришлось нажать на сигнал. И держать его до тех пор, пока они нехотя и как бы даже с презрительной ленцой спустились с шоссе на обочину и направились к лесу.

Я проехал, изумляясь своему открытию. Всего три часа, как обезлюдело это шоссе, а природа уже решила, что мы вообще исчезли, и эти аборигены леса вернули себе всю свою территорию. Иными словами, если завтра космические пришельцы аннигилируют человечество, природа за каких-нибудь пять десятков лет прорастет лесами через наши дома, дороги, аэродромы и даже небоскребы, и от всей нашей цивилизации не останется ничего, кроме статуи Свободы на дне Атлантического океана. А мы в своих радиообсерваториях и телескопах рыскали по Вселенной и даже по умершим галактикам в поисках себе подобных *homo sapiens*. Да, теоретически не исключено, что среди миллиардов планет, возникших в результате Большого взрыва, наша Земля не единственная, на которой зародилась жизнь. Дункан Форган из университета Эдинбурга создал компьютерную модель нашей Галактики и проиграл на этой модели несколько вари-

антов зарождения и развития жизни. По его подсчетам, при переносе жизни с одной планеты на другую в Галактике могло развиться $37\,965 \pm 20$ цивилизаций. Еще 361 цивилизация могла возникнуть и развиваться обособленно, подобно земной. И 31 574 цивилизации могли возникнуть и самоуничтожиться (к чему, собственно, и мы стремительно шли, создав ядерное оружие). Таким образом, хотя многие говорили, что, шаря по Вселенной своими радиотелескопами, мы ищем иголку в космическом стогу, шанс кого-то найти все-таки был...

Но зачем мы их искали? Для чего?

Впрочем, теперь эти поиски прекратились. Пришельцы отключили наши телескопы не только на Земле, но и на русской космической обсерватории «Астрон» и космической станции «Мир». Ужас! Как же без радиосвязи космонавты вернутся на землю? И вернутся ли?

А может, им и не нужно возвращаться, вдруг подумал я и вспомнил, что первое слово, которое произнесла наша Энни, было «Нельзя!». Да, как-то летом, когда ей еще и года не было, она, сидя в манеже с игрушками, вдруг громко и внятно сказала: «Don't-do-it!» Мы с Кэтти изумленно замерли, распахнув рты. Потом посмотрели друг на друга, и я увидел, как Кэт покраснела от стыда до корней своих прекрасных каштановых волос. А она увидела, как покраснел я. С тех пор и по сей день в нашем доме запрещено произносить эту фразу. Но если бы сейчас мне позвонили космонавты и сообщили, что планируют вручную осуществить спуск на мыс Канаве-

рал, на Байконур или еще куда-то, я бы наверняка им сказал: «Don't do it! Не делайте этого! Обождите хотя бы неделю!»

5

Это случилось на пересечении 64-го и 75-го хайвэев, когда я проезжал городишко Лексингтон в штате Кентукки. Справа лежал зеленый массив Lexington Country Club, а слева обезлюдевшие городские пригороды и пустая North Broadway street, Северный Бродвей. Я не первый раз катил по этой дороге. Вот уже четыре года, как я каждые два-три месяца пересекаю страну с востока на запад и обратно, и всегда попадаю в Кентукки, родину знаменитого Kentucky Fried Chicken, кентуккского жареного цыпленка, под вечер, когда тут, в пригородах Лексингтона, возле каждого дома подростки играют в баскетбол, а вдоль дороги реклама и запах жареных цыплят такой, что проехать, не съев хотя бы одного, просто невозможно. Историю вознесения местного бедняка Гарланда Сандерса, создателя Kentucky Fried Chicken, в миллиардеры и олигархи тут знают абсолютно все, как легенду о вознесении Иисуса Христа. Сандерс всю жизнь был неудачником: после шестого класса ушел из школы, работал подсобным рабочим на фермах, пастухом, пожарным, железнодорожником, страховым агентом, продавцом автомобильных шин, заправщиком на бензоколонке и т. д. и т. п. В 1955 году, когда в заштатном городочке Корбин он напротив сво-

ей бензоколонки открыл крохотный ресторанчик, в двадцати милях от этого Корбина построили 75-ю скоростную дорогу, и оба его бизнеса остались без клиентов. Сандерсу как раз исполнилось шестьдесят пять, и он вышел на пенсию банкротом. Но, в отличие от многих, не пал духом. Наоборот, с нищенской пенсией и пылкой верой в спасение человечества рецептом приготовления жареного цыпленка в приправе из одиннадцати трав и специй пенсионер Сандерс обошел несколько сотен или даже тысячу инвесторов, уговаривая их дать ему денег на придорожный ресторанчик «Жареный цыпленок». Тысячу инвесторов отказали (какой нормальный инвестор вложит деньги в шестидесятипятилетнего старичка?), но тысяча первый, так и быть, дал ему какую-то сумму. Так родился первый придорожный Kentucky Fried Chicken, а десять лет спустя Сандерс стал легендой и символом американского предпринимательства – у него уже было шестьсот таких ресторанов по всей Америке и в Канаде. Он продал их за два миллиона долларов (тогда это было как двести сегодняшних миллионов), а сам занялся созданием таких же ресторанов на всей остальной территории земного шара, стал владельцем международной франшизы «Жареных цыплят» и до своих девяноста лет ежегодно проезжал и пролетал 250 000 миль, посещая каждый свой ресторанчик и проверяя в них качество жарки цыплят в приправе из одиннадцати трав и специй.

Но при всем моем восхищении седым старичком в бе-

лом костюме и с белой козлиной бородкой, зазывающим с рекламных щитов отведать его бесподобное блюдо, сегодня я не собирался останавливаться в Лексингтоне. Северный Бродвей был абсолютно пуст, и эта безжизненность города, тянущаяся на мили слева от шоссе, пугала и угнетала. Хотелось поскорей пролететь ее и снова нырнуть в безмятежные просторы природы. Но вдруг... Что это? Почему люди выскакивают из домов и застывают, тыча руками на север?

Я повернул голову направо и – тоже остолбенел.

Там, вдали, наверное, над Цинциннати, в совершенно чистом небе был виден гигантский зеленый конус с падающим к земле основанием никак не меньше сотни, а то и больше миль в диаметре. И с огромной скоростью этот конус смещался в нашу сторону. Так возникают смерчи и торнадо. Но тут не было никакого завихрения воздуха, никаких грозových раскатов и молний. Просто чем быстрее приближался к нам этот неотвратимый зеленый конус, тем явственней был видим его источник в небе. Хотя я считаю себя больше компьютерщиком-астрометристом, чем астрономом, но за годы службы в военно-морском флоте и в обсерватории какие-то астрономические навыки появляются сами собой. Так вот, могу с уверенностью сказать, что эта огромная летающая тарелка величиной с весь наш поселок Green-Bank летела – а точнее, неслась юлой – на высоте никак не меньше десяти миль. Как она выглядела? Теперь, когда фото и видеосъемки межпланетного «Н-1» не видел только новорожденный, по-

дробно описывать этот космический корабль не имеет смысла. Поэтому скажу о своем первом и, не скрою, шоковом впечатлении. Знаете, когда вы видите в небе самолет, пусть даже очень низко, вы сравниваете его габариты с другими земными объектами – например, с кораблями, зданиями, монументами – и не пугаетесь. Но если на вас будет лететь – и притом совершенно бесшумно – Ниагарский водопад или пирамида Хеопса? Стальной (или титановый? или платиновый?) диск высотой в стоэтажный небоскреб и с диаметром Центрального парка, окруженный, как нимбом, светящейся плазмой и испускающий из себя этот зеленый конусообразный луч, который – я в этом не сомневаюсь – тщательно сканировал землю, одними своими размерами производил какое-то совершенно жуткое, угнетающее впечатление. А его нереальная скорость при полном отсутствии звука моторов, его вращение и свечение окружающей его плазмы, как при северном сиянии или холодной термоядерной реакции, – все это усиливало внушаемый ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.